

САЛЕЕВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

В статье на основе архивных документов приводятся факты из биографии известного дальневосточного писателя А. М. Грачёва (1912–1973 гг.), публикуется рукопись писательницы Ю. А. Шестаковой (1914–2002 гг.) «Открытые горизонты...» о творческой судьбе автора «Первой просеки», хранящаяся в Государственном архиве Хабаровского края, в фонде личного происхождения.

Ключевые слова: Комсомольск-на-Амуре, школа, газета «Амурский ударник», директор моторно-рыболовецкой артели, личное дело, парторбота, собственный корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда».

Keywords: Komsomolsk-on-Amur, school, "Amurskii udarnik" newspaper, director of the motor and fishing artel, personal card, party work, own correspondent for the "Tihookeanskaya Zvezda" newspaper.

30-е годы XX века, годы масштабного строительства на Дальнем Востоке, оставили потомкам не только заводы, фабрики и целые города, но и замечательную плеяду писателей, художников, сценаристов и кинорежиссёров. Среди тех, кто прославил труд первостроителей города Комсомольска-на-Амуре, был писатель Александр Матвеевич Грачёв (1912–1973 гг.). Его роман «Первая просека», изданный в 1965 году, хорошо был известен советским читателям. Книга не залёживалась на библиотечных полках и в книжных магазинах. «Первый удар топора... Как будто это просто: ударил — и все. А между тем надо бы памятник поставить тому, кто это сделал первым, — писал Александр Грачев, — нелегко был труд корчевщиков тайги. Так бы и запечатлеть в мраморе или бронзе фигуру паренька в косоворотке или юнштурмовке, в лихо сбитой на затылок кепке, и над ней стремительно занесенный вверх простой русский топор — творец бесчисленных деревень и крепостей, посадок и городов земли русской. Надо бы! Да только никогда не узнаешь, кто тот паренек, нанесший первый удар там, где легла первая просека и где суждено было вознестись городу» [4, с. 48].

И действительно, ни одна книга не сможет вместить все исторические свидетельства о героическом прошлом города, овеянного славой буквально с первого палаточного колышка, вбитого первостроителями. Замысел «Первой просеки» А. М. Грачёв вынашивал многие годы. Роман создавался 30 лет. Писателю удалось нарисовать правдивую картину взаимоотношений таких разных людей, которые приезжали на строительство города, показать их характеры в довольно острых жизненных ситуациях. Он нарисовал яркие картины комсомольской стройки и лично создал памятник первым строителям города. Такие реалистические произведения, которыми славились многие писатели советской эпохи, можно было создать, только побывав в самом эпицентре великих событий.

Двадцатилетним юношей приехал Александр Грачёв на Дальний Восток, на великую стройку и остался здесь до конца своих дней.

Писатель-дальневосточник Александр Матвеевич Грачёв родился на хуторе Меркуловском Базковского района Ростовской области (бывшая область войска Донского) 23 июня 1912 года [2]. Детство и юность провёл в бедняцкой казачьей семье. Зимой он учился, а летом батрачил у кулаков. В 14 лет вступил в комсомол. В 1929 году поступил на педагогические курсы, которые окончил в 1930-м. В этом же году добровольцем ушёл в Рабоче-крестьянскую Красную армию, после прохождения курсов усовершенствования командного состава в Новочеркасской кавалерийской школе получил воинское звание — младший лейтенант. В августе

1932 года демобилизовался и решил ехать на Дальний Восток, в г. Хабаровск, где собирался учиться в медицинском институте. «Однако, проучившись два месяца, вынужден был уйти из-за материального положения», — так написал в своей автобиографии будущий писатель. По направлению краевого отдела народного образования в конце октября 1932 года он приехал в г. Комсомольск-на-Амуре и начал работать в качестве заведующего семилетней фабрично-заводской школой.

В г. Комсомольске-на-Амуре, такое название город получил 10 декабря 1932 года, стали появляться объекты социально-культурного назначения, открылась и своя газета. В 1934 году Александр Грачёв стал сотрудником в газете «Амурский ударник» [1], где проработал до 1940 года заведующим отделом информации, сельскохозяйственным отделом, принимал непосредственное участие в издании первой книги «Комсомольск», где были напечатаны три его публикации. 21 июня 1939 года А. М. Грачёв был зачислен на должность специального корреспондента газеты «Тихоокеанская звезда» по г. Комсомольску-на-Амуре. Личное дело Александра Матвеевича Грачёва, сотрудника газеты, сохранилось в Государственном архиве Хабаровского края, в фонде редакции «Тихоокеанская звезда» (Ф. Р-1745) [6].

Эти факты биографии будущего писателя известны многим и растиражированы в журналах и статьях. Но в архивных документах всегда найдётся что-то интересное и неизвестное. В фонде Хабаровского крайкома ВКП(б) (Ф. П-35. Оп. 14) хранится 12 123 ед. хр. за 1939–1946 годы. Среди личных дел номенклатурных работников крайкома ВКП(б) есть и личное дело Александра Матвеевича Грачёва [7]. В деле подшиты две характеристики, совершенно отличные друг от друга, но касаются они деятельности Грачёва на сельскохозяйственной ниве. В 1940 году по семейным обстоятельствам Александр Матвеевич переехал в сельскую местность, в село Нижне-Тамбовское¹ Комсомольского сельского района, и был назначен директором моторно-рыболовецкой артели. Первая характеристика подписана секретарём Комсомольского райкома ВКП(б) Калугиным, где сказано, что «за время работы директором МРС сентябрь-октябрь месяцы тов. Грачев проявил себя с положительной стороны, как способный руководитель, сумевший неплохо организовать рыбаков на выполнение годового плана добычи рыбы». И рекомендация о назначении Грачёва директором моторно-рыболовецкой станции. Вторая, служебная, характеристика уже на директора А. М. Грачёва, подписанная и. о. начальника главмуррыбпрома Зысыпкиным: «С рыбной промышленностью совершенно не знаком, колхозной системы также

1 Современное написание — Нижнетамбовское. — Ред.

не знает. Опыта административно-хозяйственной работы не имеет, в результате чего с функциями директора не справляется, лично ставит вопрос об освобождении». 2 августа 1941 года Грачёв был освобождён от должности директора моторно-рыболовецкой станции и назначен на должность заведующего отделом пропаганды и агитации Комсомольского сельского райкома ВКП(б). В «Срочном сообщении № 1 об освобождении, снятии работника с номенклатурной должности или перемещении с одной номенклатурной должности на другую», направляемом в управление кадров ЦК ВКП(б), было указано, что Александр Матвеевич Грачёв освобождён от должности «в связи с переводом на партработу». В самом начале Великой Отечественной войны, как никогда, была необходима агитационная работа, направленная на оказание повсеместной помощи тыла фронту. За эту работу А. М. Грачёв взялся по-коммунистически: в сёлах Вознесенском, Нижне-Тамбовском, Нижне-Ильинском² и Нижних Халбах им были организованы агитпункты, где он проводил агитацию по сбору средств в фонд обороны, сбору тёплой одежды, картофеля, мяса, рыбы и других сельскохозяйственных продуктов [7]. Несколько месяцев в

этой же должности он проработал и в районе имени Лазо. А уже 15 марта 1943 года А. М. Грачёв оставил автограф на документе, в соответствии с которым он направлялся в распоряжение отделения ТАСС корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда» по Камчатской области. В период войны с Японией Александр Матвеевич Грачёв участвовал в высадке десанта на Курильские острова. Это событие легло в основу повести «Падение Тисима-Ретто» (1956 г.). Позже им были написаны книги «Сквозь мартовские снега» (1973 г.), «Лесные шорохи» (1970 г.) [3], «Путешествие в край юности» (1974 г.).

В Государственном архиве Хабаровского края, в фонде личного происхождения Юлии Алексеевны Шестаковой (1914–2002 гг.), известной дальневосточной писательницы, переводчицы, заслуженного работника культуры РСФСР (Р-2101), хранятся статьи и воспоминания о многих дальневосточных писателях, художниках, журналистах, с кем приходилось встречаться и работать в пору её творческой деятельности. С Александром Грачёвым она была знакома много лет. В архиве сохранилась её рукопись об А. М. Грачёве «Открытые горизонты...»³ [8] (см. Приложение).

Приложение.

Ю. А. Шестакова об А. М. Грачёве.

Открытые горизонты...⁴

В романе⁵ «Первая просека» есть интересный образ молодого строителя Захара Жернакова. Это бывший воспитанник кавалерийской школы, приехавший из Новочеркасска по путёвке комсомола строить новый город на Амуре. Дальний Восток для него — земля неизведанная... Он впервые видит тайгу, нетронутые лесные дебри Уссурийского края⁶, о которых прежде знал только по книгам русских путешественников⁷. Никогда не видел тополей⁸ в три обхвата, могучие кедры, гибкие лианы, выющиеся по стволам елей, — а тут вот

они⁹ рядом. Ошеломлённый¹⁰ красотой тайги, величием Амура, житель донских степей испытывает попеременно то чувство робости, то восторга.

Так часто бывает с теми, кто впервые ступит на дальневосточную землю. Чувство естественное. Оно уже давно перестало быть открытием для литературы, мы с ним встречались не раз. И в романе «Первая просека» многие персонажи, так или иначе, отзвучат на необычность и своеобразие дальневосточной природы¹¹. Но Захара Жернакова — одного из главных героев этого произведения — автор наделил особой чуткостью к ней, увлечением¹², перерастающим в любовь.

С самых первых глав романа, как только Захар появился на стройке вместе с целой ратью незнакомых ему ребят и девушек, которые позднее составят дружный рабочий коллектив, мы узнаем, что наряду с людскими судьбами

2 Скорее всего, речь идёт о с. Новоильинке Комсомольского района.

3 Это машинописная рукопись с чернильными правками автора, без даты. Можно лишь предполагать (по косвенным фактам, упоминаемым в рукописи), что это был 1989 г.

4 К сожалению, не удалось установить, была ли данная рукопись опубликована где-либо ранее.

5 Имя и отчество Александра Грачёва зачёркнуты.

6 Словосочетание «Уссурийского края» написано чернилами над строкой.

7 Словосочетание «русских путешественников» написано чернилами над строкой, зачёркнута фамилия Арсеньева.

8 Слова «Никогда не видел тополей» написаны чернилами над строкой, зачёркнуто слово «тополя».

9 Слова «а тут вот они» написаны чернилами над строкой, зачёркнуто словосочетание «а теперь всё это рядом».

10 Зачеркнуто слово «сказочной».

11 Словосочетание «дальневосточной природы» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «тайги».

12 Фраза «к ней» и слово «увлечением» написаны чернилами над строкой, после слова «увлечением» зачёркнута фраза «к природе, глубоким интересом ней».

«волнующей загадкой вошла в его душевный мир тайга», она захватила его воображение настолько, что он постоянно думал о ней¹³, «как о чём-то живом, удивительном»¹⁴.

Оглядевшись со временем, Захар Жернаков поймёт и, помимо красоты, ощутит необузданную, дикую силу тайги. Ему ещё придётся пережить немало трудностей, пока сквозь таёжную глухомань прорубается первая просека; будут у него и разочарования, и ошибки. Но душевная привязанность к новой земле останется неизменной. Этому чувству суждено ещё окрепнуть.

Не так ли зарождалась любовь к Дальнему Востоку, к его природе и людям у самого автора? Ведь он тоже строил Комсомольск. Осенью 1932 года старенький пароход «Колумб», ходивший в то время по Амуру, доставил в село Пермское очередную партию строителей, среди которых был и Александр Грачёв, только что окончивший кавалерийские курсы в Новочеркасске. Он давно мечтал побывать в дальневосточной тайге, так красочно описанной в книгах Арсеньева, Пришвина, Фадеева. Романтика? Да.

Но действительность оказалась куда сложнее, суровее, чем это рисовало воображение. Жить пришлось в невероятно трудных условиях. Опасная работа на сплаве, строительство землянок, скудный обед из общего котла, нехватка оборудования, инструментов, жилья — и при всём при этом, высокая требовательность к себе и своим товарищам — вот что стояло за романтикой освоения тайги и о чём, вероятно, не предполагал бывший кавалерист, отправляясь в далёкий путь с эшелоном мобилизованных на строительство комсомольцев.

Несмотря на свою молодость, Грачёв был достаточно закалённым. Жизнь его никогда не баловала. К тому же, все эти трудности скрашивало сознание долга перед Родиной, и то, что рядом — товарищи, большой коллектив прибывших «со всего света» комсомольцев, и то, что новостройка на Амуре, о которой знала вся страна как труд «на миру», была почётным и важным делом. И ещё: дальневосточная природа с лихвой платила своими красотами за всё, что осталось там, на родине, в донских степях, где впервые ещё не осознанно рука будущего писателя потянулась к бумаге...

Не будем устанавливать родство между автором и героем произведения. Конечно, автобиографический элемент в «Первой просеке» присутствует¹⁵. Но дело не в этом. Хочется проследить, как формировалась писательская судьба Александра Грачёва и какое значение для него имела поездка на Дальний Восток.

У каждого из нас есть на земле своя заветная сторона, с которой связаны дорогие сердцу воспоминания и образы. Александр Матвеевич Грачёв вырос на Дону, вблизи станицы Вёшенская. Долгие годы после того, как он уехал оттуда, на хуторе Меркуловском ещё сохранялась крытая соломой хата — курень, где прошли детские годы и отрочество Саши Грачёва.

Отец его, Матвей Акимович, — донской казак, в девятнадцатом году пошёл воевать за советскую власть, а вернувшись домой через год, заболел и умер от тифа. Мать — бывшая горничная, латышка из бедной семьи, вынуждена была одна воспитывать детей. Их было четверо. В белой избушке под соломенной крышей много было и слёз, и нужды. Учиться оказалось не так просто: ещё на всём лежали следы пережитой войны, разрухи, к тому же старые нравы станичных казаков передавались их детям, в столкновениях со своими сверстниками Саша Грачёв всё чаще слышал обидное прозвище «латышонок» и, замыкаясь, уходил в себя. Он рос впечатлительным, ко всему присматривался. Его постоянно манило в степь или на берег Дона. Рыбалка, удочки, вольный простор... Там можно было на время забыть все обиды и горести. Жалел, что не стало отца. С ним были связаны особые воспоминания, как видно, окрылявшие писателя всю жизнь...

Тут придётся сделать небольшое отступление. Около года назад, в связи с тем, что я начала работать над книгой «Близкое, далёкое»¹⁶, в которой будут представлены литературные портреты писателей-дальневосточников, художественные биографии тех, кого уже нет среди нас, и мои воспоминания о товарищах¹⁷, я попросила вдову писателя Фаину Ивановну показать его архив. Она весьма охотно отозвалась на мою просьбу, предложила посмотреть дневники, записные книжки, подобрала целую пачку его писем, зная, что они могут представить общественный интерес.

Александр Матвеевич был человек организованный и предусмотрительный. Смолodu он приучил себя к строгому режиму за письменным столом. Книги, которые он написал, были заранее им спланированы и обдуманы. Его собратья по перу знали, вообще-то, когда Грачёв загорался новой темой, он не скрывал, о чём собирается писать, вот только ещё раз съездит на место событий, к будущим своим героям, и примется за работу.

Мало кто помнит эти заявки Грачёва. А ведь он их выполнял в подавляющем большинстве случаев. Начиная

13 Словосочетание «о ней» написано от руки над строкой. Зачёркнуто словосочетание «о тайге».

14 Далее зачёркнута фраза «находящемся рядом с ней».

15 Слово «присутствует» написано от руки над строкой, зачёркнута фраза «одна из особенностей этого романа».

16 Видимо, речь идёт о книге, которую Юлия Алексеевна Шестакова готовила в последние годы своей жизни. «Она мечтала опубликовать на её страницах самое сокровенное и важное, соединить воедино рассказы, созданные в молодости, и вещи, написанные совсем недавно. Книга должна была подвести черту в творчестве писательницы. Она должна была стать «последней». И Юлия Алексеевна это знала» [5].

17 Далее зачёркнута фраза «в том числе и об Александре Грачёве».

с «Тайны Красного озера», — самой первой и, может быть, лучшей приключенческой повести из всех созданных у нас на Дальнем Востоке. Хотя работал он над ней урывками — шла война. Приходилось откладывать рукопись в сторону, дописывал потом...

Надо сказать, что интересные замыслы навещали его часто, недостатка в них он не испытывал. Но, к сожалению, далеко не все их смог осуществить. Не успел, просто не успел...¹⁸ Отвлекался на подёнщину, писал очерки в газету, выступал на радио. Надо было зарабатывать на хлеб¹⁹. Перебирая его записи в блокнотах, я увидела название новой, начатой им повести, о которой он думал в последние годы: «Хождение за горизонт». Была уже набросана первая глава, и план был составлен вкратце. Произведение автобиографическое, о детстве и юности, на документальной основе. И, наверное, оно обещало что-то значительное в художественном отношении, судя по началу. Тут видны истоки личности писателя, его характера. Вот эти строки:

«Пожалуй, самое удивительное зрелище, которое открывается человеку, когда он начинает осознавать себя в окружающем мире, — это горизонт. Самая большая загадка. Самая манящая граница. Самая увлекательная черта, линия, отделяющая небо от земли. Го-ри-зонт... А что за ним?

Впервые я открыл его для себя в движении. До этого он стоял на месте, как что-то привычное и не вызывал особого интереса. Ну, что можно увидеть из хуторского двора или с пустоши — сельского плаца, где обучали военному делу молодых казаков? И даже с окраин хутора, откуда начинается степь? Волнистая линия бугров, балок, а за ней — падающее вниз небо.

Но однажды... Что-то произошло с моим отцом в тот день, не знаю. Может быть, он поссорился с кем-нибудь, а может решил «размять» своего застоявшегося строевого коня. Когда он успел подседлать нашего рысака, я не заметил, так как был занят котенком. Крутил вокруг себя веревочку с «грузилом» на конце — фарфоровой крышкой от разбитого чайника, — а котенок резвый²⁰ пуховичок — стремительно гнался за ней.

И вдруг... Что это? Что такое? Отец прямо с налету подхватил меня подмышки и кинул впереди себя на седло. Так только вихрь может подхватывать! Радость — не то слово, которым можно изобразить мое тогдашнее состояние. Счастье — вот что! Ошеломляющий восторг! — Я впервые оказался в заповедном для меня седле. И конь подо мной. А вокруг — сияние всего белого света! Захлебываюсь от ветра, бьющего в лицо. Крепкая отцовская рука обхватила

меня поперек тела, как обруч, прижала к надежной груди. Все во мне ликует от бешеного стука конских копыт внизу.

Это был головокружительный полет. Не на веревочных качелях, как бывало до сих пор, а полет к горизонту, который качался, прыгал и угрожающе стремительно приближался. Я не заметил, как мы проскочили окраину хутора, потому что смотрел на ветряки, махавшие крыльями на бугре, и очень боялся, что мы с отцом разобьемся о них».

Так начинал он, спустя много лет, выношенную в сердце повесть о детстве и юности. Я прочла начало первой главы «Отец». Других не последовало. Осуществить свой замысел Грачёву не довелось. Как видно, его захватили тогда иные планы, какие-то неотложные²¹ дела, и эта начатая вещь всё отходила на дальний план, всё ждала своей очереди, да так и не дождалась...

Очерковую документальную книгу об Александре Грачёве написал потом его товарищ из первостроителей Комсомольска-на-Амуре Геннадий Хлебников — известный у нас в крае журналист и писатель. Он взял для неё то же название, то есть «Хождение за горизонт». Повесть вышла в Хабаровском книжном издательстве в прошлом году²². Её отметили положительные отзывы читателей²³. Она интересна. В ней прослеживается хронологически весь жизненный путь Грачёва, дана литературная биография с самых первых публикаций, очерков, рассказов до большого романа. Использован так же эпистолярный материал и дневниковые записи. Одним словом, книжка полезная, и она удалась.

И всё-таки много можно было ещё сказать об Александре Матвеевиче!²⁴ О его трудолюбии, например, и упорстве, с каким он умел осуществлять свои литературные замыслы. Несмотря ни на что: преследовали ли его материальные трудности, или мешала загруженность общественной работой, срывалась ли у него творческая командировка, или кто-то несправедливо раскритиковал его рукопись, — Грачёв никогда не впадал в уныние. Такое состояние попросту было чуждо ему. В нём жила огромная сила преодоления всяческих невзгод. Волевой, целеустремлённый характер! И при всём этом — мягкость и доброта к людям.

Характер этот выковывался с детства. Может быть, четырёхклассной сельской школой и закончилось бы образование Саши, но он хотел учиться дальше и настоял

18 Далее зачёркнута фраза «Слишком часто».

19 Предложение «Надо было зарабатывать на хлеб» написано от руки.

20 Слово «резвый» написано чернилами над строкой.

21 Фраза «тогда иные, какие-то неотложные» написана чернилами над строкой, зачёркнуто слово «другие».

22 Хлебников, Г. Н. Хождение за горизонт : худож.-докум. повесть [об А. М. Грачёве] / Г. Н. Хлебников. — Хабаровск: кн. изд-во, 1988. — 175 с.

23 Фраза «отметили положительные отзывы читателей» написана чернилами над строкой, зачёркнута фраза «читают и хвалят».

24 Слова «и всё-таки» и «можно» написаны чернилами над строкой; предложение «Но вот что интересно!» и словосочетание «Я прочитала её и подумала: как надо было бы» зачёркнуты.

на своём. В 1925 году тринадцатилетним подростком сероглазый «латышонок» в кожаных самодельных чириках с котомкой за плечами подался в станицу Мешковскую, где в то время уже открылась Школа крестьянской молодёжи. Там он вступил в комсомол. За два года учёныя многое узнал, вырос, повзрослел. Спустя некоторое время его перевели в Каргинскую ШКМ.

Станица Каргинская... При упоминании о ней сразу возникают знакомые образы. В те годы по всей стране гремела слава «Тихого Дона». Шакаэмовцы знали, что напротив их общежития живёт мать писателя Шолохова. Часто в свободное время они прибегали к ней во двор²⁵, кололи дрова, носили воду. Особенно часто наведывался к ней Шура, как его называли родные и друзья²⁶.

Любовь к литературе всегда выделяла Грачёва среди его сверстников. Первые попытки творчества были навеяны стихами Пушкина и Некрасова ещё в ту пору, когда мальчишкой он подолгу просиживал с удочкой на берегу Дона. В ШаКаЭм у него появились заветные тетрадки. Нелегко давались стихи, но он упорно писал их, не оставляя смутной²⁷ надежды, что возможно²⁸ когда-нибудь они увидят свет... Наконец его стихи стали печатать в местной газете. Очевидно, что это и побудило юношу²⁹ обратиться однажды к Михаилу Александровичу Шолохову за советом³⁰.

С Шолоховым он встречался несколько раз. По прошествии многих лет Александр Матвеевич мог по-настоящему оценить значение этих встреч. Но тогда ещё наивный, неопытный юнец, он не понимал сложности писательского труда, и многое оставалось для него загадкой.

Первый раз он явился к Шолохову в 1929 году. Это была пора, когда на Дону и по всей стране в сельском хозяйстве происходили огромные перемены — шла коллективизация. В станице Вёшенской стоял новый курень Шолохова, обращённый окнами в палисадник. Там жила вся семья писателя, в том числе и мать. Она первая увидела во дворе знакомого юнца с тетрадками в руках:

— Ты чего, Шура? К кому ты? — спросила она, отворив двери.

Он едва осмелился подойти к крыльцу:

— Мне бы Михаила Александровича повидать...

День был майский, солнечный... Шолохов вышел на крыльцо в белой рубашке с открытым воротом, в простых брючках и сандалиях на босу ногу. Недолго длилась эта беседа, всего, быть может, полчаса, но, почитав тут же на

крыльце стихи молодого автора, Шолохов посоветовал ему непременно учиться, побольше читать классиков, овладеть литературной техникой, так как во всяком, даже самом простом ремесле, необходимо мастерство, а в литературе — тем более, дело это сложное.

Должно быть, на всю жизнь Грачёву запомнилось, как мягко, со смешинкой в глазах, но совершенно серьёзно Шолохов сказал:

— Прежде чем чеботарь чирики шьёт, он учится щетинку в драгву всучивать. Вот так-то, брат...

Не обиделся юноша на своего знаменитого земляка. Правда, с тех пор стихи пришлось отложить надолго, кажется, навсегда... Но мысль о том, чтобы стать писателем, основательно им завладела. Между тем жизнь открывала перед ним новые дороги. Сначала — армия, Новочеркасская кавалерийская школа, затем — поездка на Дальний Восток.

Перед тем, как он ушёл добровольцем в армию, Грачёв написал небольшую повесть «Побег», материалом для которой послужила история собственного бегства из дому. (Был такой случай, когда он, начитавшись Майн-Рида и Фенимора Купера, отправился с беспризорниками путешествовать в «жаркие страны», но попал в детдом и вскоре вернулся домой.) Повесть эту он принёс Шолохову с ещё большей робостью, чем стихи.

В тот год Михаил Александрович, отложив на время «Тихий Дон», работал над «Поднятой целиной», он был страшно занят, однако появление в дверях уже знакомого ему паренька на этот раз с более солидной рукописью заинтересовало его. Без лишних слов он взял повесть, пообещав прочесть. После недолгого ожидания молодой кавалерист, по-видимому, чутьём угадывая, что повесть его слаба и, пожалуй, не стоило отдавать её в таком виде на суд строжайшего своего учителя, поспешил к нему. Как он обрадовался, когда узнал, что Михаил Александрович не успел прочитать его творение! И хотя самого хозяина дома не было, жена его, Мария Петровна, с извинениями возвратила автору непрочитанную рукопись. Сказала при этом, что Шолохов уехал в Москву, там у него дела³¹. Грачёв был доволен, что случилось именно так.

С тех пор почти на целое десятилетие дороги увели его от станицы Вёшенской далеко на Восток. Конечно, живя на Дону, Александр Грачёв продолжал бы заниматься творчеством, рано или поздно достиг бы определённых успехов. Но на Дальнем Востоке процесс литературного роста шёл в те годы³² быстрее, новая обстановка со всеми её трудностями способствовала этому. Строительство Города юности было для Грачёва прекрасной школой. Он увидел рядом с

25 Зачёркнуто словосочетание «по примеру тимуровцев».

26 Словосочетание «родные и друзья» написано чернилами от руки.

27 Слово «смутной» написано чернилами над строкой.

28 Слово «возможно» написано чернилами над строкой.

29 Слово «юношу» написано чернилами над строкой; имя и фамилия «Сашу Грачёва» зачёркнуты.

30 Далее зачёркнуто словосочетание «и помощь».

31 Словосочетание «там у него дела» написано чернилами над строкой, далее зачёркнуто словосочетание «с Поднятой целиной».

32 Словосочетание «в те годы» написано чернилами над строкой.

собой столько новых, различных по своему характеру людей, узнал так много интересного об этом крае, да и сам настолько крепко привязался к нему душой, что это никак не могло пройти бесследно для его дарования. Но главное, я подчёркиваю, — это, опять-таки, упорство, с каким Грачёв добивался осуществления своих планов³³.

Мудрый совет Шолохова, его остроумное замечание относительно чеботаря и умения «щетинку в дратву всучивать», много раз вспоминалось ему³⁴, когда он серьёзно взялся за перо, чтобы написать свою первую настоящую повесть. Но до этого он ещё несколько раз поработает в газетах края, немало увидит, перечувствует, основательно закалится в походах по тайге, встретится с геологами и охотниками, поплавает по Амуру, будет добираться от одного нанайского стойбища к другому на лодке и пешком, как придётся. У него появятся друзья — местные художники, журналисты, а затем и писатели, с которыми он будет делиться своими литературными замыслами: Василий Ажаев, Николай Задорнов, Фёдор Куликов, Пётр Комаров... И слушать их, спорить и отстаивать свою точку зрения. И тянуться к ним всей душой³⁵. Дружба с ними открывала для него новые горизонты.

Мысль о том, чтобы написать приключенческую повесть для юношества, не давала покоя Грачёву ещё перед войной. Но вот вопрос: как построить действие, каким будет герой? В 1939 году впервые за всё это время, получив возможность побывать у себя на родине, он снова решил встретиться с Михаилом Александровичем. На этот раз у них была деловая беседа. Грачёв рассказывал об амурских сёлах и новостройках и, конечно, с восторгом говорил³⁶ о дальневосточной тайге. Потом сказал, что мечтает написать приключенческую повесть, и откровенно признался, что пришёл за советом³⁷:

— Как думаете, Михаил Александрович, какой она должна быть?

Шолохов ответил, что есть два условия, которые определяют успех такой книги:

— Во-первых, она должна быть умной, а во-вторых, занимательной.

Возвратившись на Дальний Восток, Александр Грачёв не переставал обогащать свой замысел интересными находками. Написать книгу, в которой романтика освоения богатейшей природы края сочеталась с конкретным, реалистическим изображением трудностей, показать сильных, мужественных людей, и в то же время не засушить их характеры, создать

такую книгу, которая бы не только читалась с увлечением, но и пробуждала любовь природе — вот что занимало его. Так родился общий план «Тайны Красного озера». Теперь предстояло работать и работать. Но... началась война. Куда только не бросала в те годы журналистов и писателей газетная служба! Грачёв уже был членом партии и работал сначала в моторно-рыболовецкой станции на Амуре, потом стал корреспондентом «Тихоокеанской звезды» по Камчатской области. Он писал очерки, статьи о героях трудового фронта, много ездил по краю, но мысль о завершении повести «Тайна Красного озера» не покидала его.

Летом сорок пятого года, когда Советская армия двинулась на Курильские острова, чтобы освободить от японских милитаристов исконно русскую землю, Александр Грачёв в качестве военного корреспондента отправился туда с десантом. Прибыв на кораблях Тихоокеанского флота в новые места, он прошёл пешком почти всю Курильскую гряду, принимал участие в освобождении Курил, видел следы преступной деятельности японских захватчиков, обнищавшую землю и до самого конца боевой операции оставался в строю³⁸. Спустя несколько лет он вернулся к событиям сорок пятого года³⁹, когда стал создавать свою повесть «Падение Тисима Ретто». Но в то время, едва отгремела война, он с необычайным подъёмом и⁴⁰ вдохновением стал дописывать «Тайну Красного озера».

Интересно, что позднее, когда эта повесть была уже в производстве, автор, уезжая на Дон, захватил с собой оттиснутую в типографии корректуру, чтобы показать Шолохову. Опять почти десятилетие прошло с того времени, когда они виделись в последний раз. Можно себе представить волнение Грачёва перед этой новой встречей с великим художником⁴¹, громадный талант которого и вся его яркая, отмеченная всенародной⁴² любовью жизнь, постоянно волновала миллионы людей. Шолохов не задержал гранки. Через несколько дней он сам послал⁴³ за Грачёвым и пригласил его к себе.

Очень важно было услышать, что скажет⁴⁴ Михаил Александрович...⁴⁵ хотя сказано было совсем мало слов⁴⁶...

33 Предложение написано чернилами от руки.

34 Слово «ему» написано над зачёркнутым словом «Грачёву».

35 Предложение написано от руки.

36 Словосочетание «с восторгом говорил» написано чернилами над строкой, зачёркнуто словосочетание «о богатствах».

37 Словосочетание «откровенно признался, что пришёл за советом» написано чернилами от руки, зачёркнуты слова «и спросил».

38 Словосочетание «в строю» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «там».

39 Фраза «сорок пятого года» написана чернилами над строкой.

40 Слово «подъёмом» написано чернилами над строкой.

41 Слово «художником» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «писателем».

42 Слово «всенародной» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «народа».

43 Слово «послал» написано чернилами над строкой, зачёркнуто слово «позвонил».

44 Фраза «Очень важно было услышать, что скажет» написана чернилами над строкой, зачёркнута фраза «Всё, что сказал об этой повести тогда».

45 Далее зачёркнута фраза «было очень важно услышать автору».

46 Словосочетание «мало слов» написана чернилами над строкой, зачёркнуто слово «немного».

— Ну, что же, Александр, повесть твою мы прочитали всей семьёй. Понравилась. Надо издавать такие книги массовым тиражом.

«Тайна Красного озера» вышла в свет, она сделала популярным имя Александра Грачёва⁴⁷. Успокаиваться на достигнутом он не собирался. На очереди была повесть о курильском десанте «Падение Тисима Ретто»... А время всё ещё трудное, и гонорар от первой книги давно истрачен. И надо снова просить авансы... Семья большая. К тому же частые переезды из края в край: то на Камчатку, то в Южно-Сахалинск, то в Волгоград и снова в Хабаровск, основательно подрывали финансовое благополучие семьи.

Фаина Ивановна всегда разделяла планы мужа (это же нужно для творчества, для дела!). И без лишних слов, миролюбиво готовилась к переезду, Хабаровск стал, наконец, постоянным их местом жительства. Но городская жизнь суетна. Для творческой работы необходимо уединение. И вот начинаются поиски выхода...

Ну как тут не вспомнить о прошедших днях? Я отвлекусь... За городом, за Осиновой Речкой, по направлению к селу Новотроицкому, на самом берегу стояла изба, в которой жил бакенщик со своей семьёй. Поблизости от него, под крутой, обрывистой сопкой лепилась у воды белая мазанка. Трудно сказать, кто был прежде её хозяином, но в середине пятидесятых годов она стала собственностью Александра Грачёва. Его заимкой. Так он назвал это жильё и был доволен тем, что мог теперь уединиться здесь для работы.

У писателей Дальнего Востока никогда не было и нет своего Дома творчества, общего для всех нас; ездить же на Чёрное море или в Прибалтику по путёвкам Литфонда за тридевять земель — накладно, да и с творческими задачами совместить отдых у моря не всем удаётся. Разве только москвичам, ленинградцам, тем, кто часто бывает там. Им проще, они не связаны длинной дорогой.

А тут в кои-то веки попадёшь на благословенное побережье, под сень кипарисов и веерных пальм, ошалеешь от морской синевы, от запаха роз и от деревьев, отягощённых оранжевыми плодами, подивишься земной благодати, которая досталась нашим южным собратьям. Это ли не райские места?! И потекут дни...

Каждый новый рассвет над морем, увиденный с восьмого или девятого этажа, судьба засчитает тебе потом как потерю, потому что перед отъездом домой ты перелистаешь свою рукопись и вздохнёшь: мало же в ней прибавилось новых страниц! И уже в самолёте, после нелёгких хлопот с

билетами, машиной до аэропорта, после обычной отъездной сутолоки, утонув в уютном кресле, будешь думать, что всё это скоро станет воспоминанием: впереди — родные амурские просторы, опять работа, дом и крепнущее убеждение, что для творчества надо выбирать место погуще⁴⁸.

Многие из нас испытали это состояние смятенного духа, но Грачёв избавил себя от подобных переживаний; он раньше всех обосновался на речном побережье. Пятистенная старая изба, разделённая на две половины, одну из которых занял потом Всеволод Никанорович Иванов, с лихвой оправдал этот выбор. Здесь Александр Грачёв создавал свою повесть «Падение Тисима Ретто», здесь, в этой небольшой, бедно обставленной избёнке, был целиком написан роман «Первая просека» и начата «Сторожка у Буруканского переката», да плюс к тому ещё цикл очерков, которые печатались в журнале. И всё это за пять лет!

Мы были соседями по берегу: дача Виктора Александровича Александровского и мой небольшой скворечник — рядом, только перешагнуть ручей. Позднее в нашей широкой пади поселился Василий Михайлович Ефименко. Но все мы⁴⁹ наезжали туда по выходным дням, а Грачёв жил в своей белой избушке месяцами. Читая теперь его дневники о тех уже далёких годах, вспоминаешь и весёлые, и грустные эпизоды.

Вот одна из таких записей: «В сентябре на заимке, когда мне катастрофически угрожало наводнение — вода уже была поверх пола, и все прибывала, я сидел и писал свою «Сторожку», не мог оторваться...» И дальше: «В ночь на 23 сентября поднялся шторм, он разрушил мою заимку, единственный в своем роде за всю мою жизнь уголок, где я мог так хорошо и с наслаждением трудиться. Все унесло водой!»

Но вот что удивительно: вторая половина избы, которую занимал Иванов, уцелела. Она стояла на месте как ни в чём не бывало, и мы, проходя мимо с парохода, останавливались, чтобы посочувствовать Грачёву, а Всеволод Никанорович качал головой и улыбался, хитровато прищурив глаз: «Вот видите, друзья, Бог меня пожалел!»

Долго Грачёв тосковал о потерянном уголке. Искал новое место для себя. Жил первую зиму на даче Андрея Пришвина. Но там не было реки. Взгляд из окна упирался в густые заросли леса. По этому поводу Грачёв написал в дневнике: «Нет перед глазами великолепной Уссури, с её просторами за рекой, с её белым безмолвием в зимние дни, с её равниной, уходящей к самому горизонту. Вот из

⁴⁷ Имя и фамилия «Александра Грачёва» написаны чернилами над строкой, зачёркнуто слово «писателя».

⁴⁸ Фраза «что для творчества надо выбирать место погуще» написана чернилами над строкой, зачёркнута фраза «что всё это скоро станет воспоминанием».

⁴⁹ Фраза «но все мы» написана чернилами над строкой, зачёркнуты слова «но мы».

чего складывалось моё творческое настроение на заимке, радостная взволнованность души, не только желание, но жадная потребность творить...»

С пришивинской, уютно обставленной дачи, он сбежал в город. Мечта построить новый дом на том же берегу для творческой работы и летнего отдыха семьи тоже была зафиксирована в дневнике... Через некоторое время это стало реальность. На сей раз получилось всё капитально. Дом был большой, просторный, с балконом и верандой, со всякими хозяйственными пристройками к нему на латышский манер. Теперь он прямо-таки счастлив⁵⁰. Чуть ли не перед самыми окнами течёт река-красавица, с балкона виден весь левый берег, подбитый песчаными косами, над ними — тальники, а дальше — одиночные ивы, слегка кудлатые, как на китайских пейзажах.

Никаких грядок и огорода нет. Только сделаны клумбы для цветов и обложены кирпичами, да ещё весной жена и дочь посадили четыре куста смородины, и сам он соорудил что-то вроде маленького рассадника для огурцов. К самому дому подступают кусты черёмухи.

— Какая же здесь красота! — не уставал восклицать Грачёв, когда, бывало, идёшь мимо него по берегу к вечернему пароходу и видишь, как он проверяет перемёт, стоит в лодке, широко расставив ноги, отбрасывает улов в носовую часть лодки. На голове у него выцветшая от солнца шляпа. Простецкий вид — рыбак да и только!

А мимо с оглушительным рёвом проносится чья-то моторка, будоража воду. Покачивает на волнах «Рыбака» вместе с лодкой. Никто не знает, что ночью он будет сидеть за письменным столом, дописывать и снова переписывать главу за главой. «Сторожка» ему надоела, как это видно из его записей. Он уже обдумывает новую книгу «Лесные шорохи», присматривается к жизни леса и его обитателей.

В дневниковых записях он то корит себя, то уговаривает: «Топчусь по-прежнему на месте, работаю над “Сторожкой” вяло и с ленцой. Лето! Масса соблазнов, рядом — река. Выйдешь на берег, и видно, как плещутся рыбы. Время от времени беру удочки и сижу на берегу, отдавшись всей рыбацкой страсти, ловлю чебаков».

А несколькими строчками ниже: «...И всё-таки, дальше нельзя позволять себе этого прекраснотушного состояния.

Пора мне всерьёз понять свою ответственность. Надо перестраиваться самым решительным образом! Я же умею проявлять железную волю, когда беру себя в руки. Всё это нужно сделать немедленно, сейчас!..»

И горела по ночам керосиновая лампа над письменным столом Александра Матвеевича. Свет её падал из окон на пустынный берег. Завтра-послезавтра, как только настанет день, обязательно явится кто-нибудь, и Грачёв будет принимать гостей. Много их побывало в этом доме: друзья, просто знакомые и совсем не знакомые, но желающие знать, как живёт писатель, книги которого все читают и любят. Приходили жители из соседних селений, причаливали к берегу рыбаки, проплывавшие мимо на лодках (они всегда⁵¹ находили какой-нибудь повод для разговоров), по склону сопки, прямо ко двору спускались студенты... Были и приезжие, в том числе иностранцы. Группа чехословацких писателей, например. Но чаще — наши соотечественники из разных городов страны.

Однажды прибыла целая «делегация» белорусских писателей. Затеяли варить уху. О том, как это происходило, лучше всего расскажет стихотворение Нила Гилевича. Не так давно я увидела его в сборнике поэта и перевела на русский язык (стихотворение «Уссурийская юшка»⁵²).

Увы! Жизнь оборвалась на полпути. После смерти Грачёва так не просто было проходить по берегу мимо его дома. Кто-то прибил на столбике калитки у входа во двор красный флажок на древке, обозначив тем самым цвет, которому всегда был верен Александр Грачёв.

Сегодня уже с высоты собственного опыта мы оцениваем прошлое. Хорошо, когда время не умаляет значение того, что сделано художником, писателем, когда книги не вянут от времени, как однолетние цветы, а живут и становятся интересными для новых поколений. Потому что автор вдохнул в них свою любовь к красоте нашей природы и восславил трудового человека, его светлую душу! А это непреходящее...⁵³

51 Словосочетание «они всегда» написано чернилами над строкой.

52 Фраза «стихотворение “Уссурийская юшка”» написана карандашом, затухающий текст, далее чернилами перечёркнута страница рукописи. Стихотворение Нила Гилевича «Уссурийская юшка» опубликовано в сборнике переводов Ю. А. Шестаковой «Обретение друзей» (Хабаровск. Кн. изд-во, 1996 г.).

53 Далее идут рукописные раздумья Ю. А. Шестаковой о переломном времени и письмо Вс. Н. Иванова, адресованное А. М. Грачёву в 1953 г., воспроизведённое рукою Ю. А. Шестаковой.

50 Предложение «Теперь он прямо-таки счастлив» написано чернилами над строкой.

1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025, 2026, 2027, 2028, 2029, 2030, 2031, 2032, 2033, 2034, 2035, 2036, 2037, 2038, 2039, 2040, 2041, 2042, 2043, 2044, 2045, 2046, 2047, 2048, 2049, 2050, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2057, 2058, 2059, 2060, 2061, 2062, 2063, 2064, 2065, 2066, 2067, 2068, 2069, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2079, 2080, 2081, 2082, 2083, 2084, 2085, 2086, 2087, 2088, 2089, 2090, 2091, 2092, 2093, 2094, 2095, 2096, 2097, 2098, 2099, 2100, 2101, 2102, 2103, 2104, 2105, 2106, 2107, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, 2115, 2116, 2117, 2118, 2119, 2120, 2121, 2122, 2123, 2124, 2125, 2126, 2127, 2128, 2129, 2130, 2131, 2132, 2133, 2134, 2135, 2136, 2137, 2138, 2139, 2140, 2141, 2142, 2143, 2144, 2145, 2146, 2147, 2148, 2149, 2150, 2151, 2152, 2153, 2154, 2155, 2156, 2157, 2158, 2159, 2160, 2161, 2162, 2163, 2164, 2165, 2166, 2167, 2168, 2169, 2170, 2171, 2172, 2173, 2174, 2175, 2176, 2177, 2178, 2179, 2180, 2181, 2182, 2183, 2184, 2185, 2186, 2187, 2188, 2189, 2190, 2191, 2192, 2193, 2194, 2195, 2196, 2197, 2198, 2199, 2200, 2201, 2202, 2203, 2204, 2205, 2206, 2207, 2208, 2209, 2210, 2211, 2212, 2213, 2214, 2215, 2216, 2217, 2218, 2219, 2220, 2221, 2222, 2223, 2224, 2225, 2226, 2227, 2228, 2229, 2230, 2231, 2232, 2233, 2234, 2235, 2236, 2237, 2238, 2239, 2240, 2241, 2242, 2243, 2244, 2245, 2246, 2247, 2248, 2249, 2250, 2251, 2252, 2253, 2254, 2255, 2256, 2257, 2258, 2259, 2260, 2261, 2262, 2263, 2264, 2265, 2266, 2267, 2268, 2269, 2270, 2271, 2272, 2273, 2274, 2275, 2276, 2277, 2278, 2279, 2280, 2281, 2282, 2283, 2284, 2285, 2286, 2287, 2288, 2289, 2290, 2291, 2292, 2293, 2294, 2295, 2296, 2297, 2298, 2299, 2300, 2301, 2302, 2303, 2304, 2305, 2306, 2307, 2308, 2309, 2310, 2311, 2312, 2313, 2314, 2315, 2316, 2317, 2318, 2319, 2320, 2321, 2322, 2323, 2324, 2325, 2326, 2327, 2328, 2329, 2330, 2331, 2332, 2333, 2334, 2335, 2336, 2337, 2338, 2339, 2340, 2341, 2342, 2343, 2344, 2345, 2346, 2347, 2348, 2349, 2350, 2351, 2352, 2353, 2354, 2355, 2356, 2357, 2358, 2359, 2360, 2361, 2362, 2363, 2364, 2365, 2366, 2367, 2368, 2369, 2370, 2371, 2372, 2373, 2374, 2375, 2376, 2377, 2378, 2379, 2380, 2381, 2382, 2383, 2384, 2385, 2386, 2387, 2388, 2389, 2390, 2391, 2392, 2393, 2394, 2395, 2396, 2397, 2398, 2399, 2400, 2401, 2402, 2403, 2404, 2405, 2406, 2407, 2408, 2409, 2410, 2411, 2412, 2413, 2414, 2415, 2416, 2417, 2418, 2419, 2420, 2421, 2422, 2423, 2424, 2425, 2426, 2427, 2428, 2429, 2430, 2431, 2432, 2433, 2434, 2435, 2436, 2437, 2438, 2439, 2440, 2441, 2442, 2443, 2444, 2445, 2446, 2447, 2448, 2449, 2450, 2451, 2452, 2453, 2454, 2455, 2456, 2457, 2458, 2459, 2460, 2461, 2462, 2463, 2464, 2465, 2466, 2467, 2468, 2469, 2470, 2471, 2472, 2473, 2474, 2475, 2476, 2477, 2478, 2479, 2480, 2481, 2482, 2483, 2484, 2485, 2486, 2487, 2488, 2489, 2490, 2491, 2492, 2493, 2494, 2495, 2496, 2497, 2498, 2499, 2500, 2501, 2502, 2503, 2504, 2505, 2506, 2507, 2508, 2509, 2510, 2511, 2512, 2513, 2514, 2515, 2516, 2517, 2518, 2519, 2520, 2521, 2522, 2523, 2524, 2525, 2526, 2527, 2528, 2529, 2530, 2531, 2532, 2533, 2534, 2535, 2536, 2537, 2538, 2539, 2540, 2541, 2542, 2543, 2544, 2545, 2546, 2547, 2548, 2549, 2550, 2551, 2552, 2553, 2554, 2555, 2556, 2557, 2558, 2559, 2560, 2561, 2562, 2563, 2564, 2565, 2566, 2567, 2568, 2569, 2570, 2571, 2572, 2573, 2574, 2575, 2576, 2577, 2578, 2579, 2580, 2581, 2582, 2583, 2584, 2585, 2586, 2587, 2588, 2589, 2590, 2591, 2592, 2593, 2594, 2595, 2596, 2597, 2598, 2599, 2600, 2601, 2602, 2603, 2604, 2605, 2606, 2607, 2608, 2609, 2610, 2611, 2612, 2613, 2614, 2615, 2616, 2617, 2618, 2619, 2620, 2621, 2622, 2623, 2624, 2625, 2626, 2627, 2628, 2629, 2630, 2631, 2632, 2633, 2634, 2635, 2636, 2637, 2638, 2639, 2640, 2641, 2642, 2643, 2644, 2645, 2646, 2647, 2648, 2649, 2650, 2651, 2652, 2653, 2654, 2655, 2656, 2657, 2658, 2659, 2660, 2661, 2662, 2663, 2664, 2665, 2666, 2667, 2668, 2669, 2670, 2671, 2672, 2673, 2674, 2675, 2676, 2677, 2678, 2679, 2680, 26